

Редколлегия журнала «Ученые записки Казанского университета» поздравляет известного российского историка и историографа, постоянного автора нашего журнала Валентину Павловну Корзун с юбилеем и желает крепкого здоровья, неиссякаемого оптимизма и новых творческих свершений!

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.182-191

«НАУКА НАПОКАЗ»: ЭРИХ ЭШБИ О РУССКОМ ФЕНОМЕНЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В.П. Корзун

*Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, 644099, Россия*

Аннотация

В центре внимания автора проблема популяризации советской науки в интерпретации австралийского ботаника Эриха Эшби, автора книги “Scientist in Russia”, вышедшей в Нью-Йорке в 1947 г. Интерес к этому изданию, практически не замеченному в нашей историографии, связан, во-первых, с актуализацией проблемы публичной истории; во-вторых, с непроясненностью роли культурных факторов и национальных традиций в развитии советской науки; в-третьих, с вниманием к формированию системы ценностей в отношении науки и ученых. Последнее плотно связано с коммеморативными событиями. Объект исследования – советская наука глазами иностранного наблюдателя. Предмет – концептуализация феномена популяризации науки сквозь призму академического юбилея – празднования 220-летия АН СССР в июне 1945 г., участником которого был автор книги. Сделаны следующие выводы: Э. Эшби 1) осмысливает широкий размах популяризации науки в культурологической парадигме, в тесной связи с русской литературой, с дореволюционными просветительскими практиками, с утилитарной концепцией прикладного знания; 2) подчеркивает значимость популяризации для поднятия статуса науки и ученого в советском обществе; 3) отмечает возможные отрицательные последствия тотальной популяризации – выстраивание иерархии внутри научного сообщества не по научным достижениям, а по степени известности широкой общественности.

Ключевые слова: Эрих Эшби, советская наука, ученые, популяризация, юбилей, Академия наук СССР, культурная предопределенность

Популяризация научного знания – сложный историко-культурный процесс, продуцируемый прежде всего внутренним развитием, движением науки как коммуникативной системы по определению. В этом смысле, с точки зрения ее логического развития, наука универсальна и интернациональна. Но, являясь одновременно культурной и социальной системой, она в своем развитии и репрезентации отвечает на социальные вызовы и запросы общества, облекая ее (репрезентацию) в соответствующие культурные формы, характерные для национальных традиций.

Наука как социальный институт встроена в общество и теснейшим образом связана с его запросами, в том числе и на изменение публичной функции ученого. Отмеченная двойственность сказывается на направленности, способах и формах презентации науки. Выделим два основных поля направленности – академическое сообщество (популяризация выступает как фактор самопознания науки, ее междисциплинарных интенций и формирования корпоративных солидарностей различного уровня, ему соответствуют различные академические формы трансляции научного знания, научные доклады и междисциплинарные семинары) и пространство массовой культуры. В первом случае научная корпорация выступает и как производитель научного знания, и как его транслятор, и как реципиент. Во втором – акторами трансляции выступают как сами ученые, так и журналисты, писатели, учителя, а реципиентами – различные слои общества за пределами академической корпорации и массмедиа. Формы трансляции науки в таком поле более разнообразны (популярные лекции и статьи в научно-популярных журналах, популярный и художественный кинематограф, художественная литература, подкасты и т. д.).

Современные исследователи больше внимания уделяют пространству массовой культуры, хотя до настоящего времени проблема популяризации науки и знания в широком смысле этого слова находилась на периферии исследовательского интереса. Активное конструирование предметного поля публичной истории (*Public history*), наблюдаемое в последней трети XX в., актуализировало интерес к маршруту от академического знания к массовой аудитории. Но в отечественной историографии лишь отдельные популяризаторские кейсы стали объектами изучения (см.: [1; 2, с. 325; 3–7]). По большей части дисциплинаризация публичной истории связывается с образовательными программами в российских вузах [8].

Естественно, практики публичной истории существовали задолго до ее дисциплинаризации, ибо наука, еще раз повторим, коммуникативна по своей сути. Но вопрос о разных уровнях ее бытования в социокультурном пространстве остается непроясненным и является важной составной частью фундаментальной историко-научной проблемы закономерностей дисциплинаризации и циркуляции научного знания.

В этом плане представляет интерес работа австралийского ботаника Эриха Эшби “*Scientist in Russia*”, вышедшая в Нью-Йорке в 1947 г. (Ashby), в которой автор размышляет о русском/советском феномене популяризации науки. В предлагаемой читателю статье речь идет не просто о раритетном издании, оставшемся незамеченным в отечественной историографии, и не просто о смешанном жанре – монографии с инкорпорацией большого пласта воспоминаний (автор – участник юбилейных торжеств по случаю 220-летия Российской академии наук, проходивших в июне 1945 г.), но об иной «оптике» при оценке данного события. Иной в сравнении с интервью, воспоминаниями и дневниковыми записями других иностранных ученых – участников юбилейных торжеств. В настоящее время известны дневники англо-немецкого физика Макса Борна (Борн) и канадского экономиста Гарольда Инниса (Innis). Эти знаменитые авторы оказались так или иначе включенными в «парад советской науки» здесь и сейчас, в сценарную задумку праздника, что вполне естественно для гостей любого юбилейного мероприятия – гостей потчуют и развлекают. Они зафиксировали в своих воспоминаниях, за редким исключением, событийный срез праздника. Эрих Эшби «смог поработать с различной фокусировкой, приближая и удаляя камеру на академическое юбилейное действо» [9, с. 46–48], забегая вперед и отодвигаясь назад, что позволило ему зна-

чительно разнообразить контексты торжественного события и отрефлексировать особенности развития советской науки. Этому способствовали обстоятельства его научной и общественной карьеры, а также харизма – умение расположить к себе собеседника. Так, в посвященной Э. Эшби статье в Британском национальном биографическом словаре он описан как «выдающийся оратор, пронизательный член комитета и одаренный переговорщик, который пользовался большим спросом и быстро стал видным общественным деятелем Северной Ирландии»¹ [10]. Отметим также нескрываемое любопытство Э. Эшби в освоении нового социального и географического пространства. Его активность, включенность в широкую сеть научных коммуникаций отметил в своем «Русском дневнике» уже упомянутый нами Гарольд Иннис, познакомившийся с ним в Москве, во время празднования академического юбилея. Э. Эшби, по словам канадского ученого, был способен достучаться до русских, опираясь на их интерес к науке (Innis, p. 22). В “Scientist in Russia” глаз стороннего наблюдателя увидел то, что было обычным для советского участника торжеств и не получило освещения в официальных юбилейных «картинках с выставки». Это относится и к зафиксированным в книге способам и формам презентации советской науки в ходе грандиозной коммеморации.

Несколько слов о биографии автора “Scientist in Russia”. Годы жизни Эрика Эшби – 1904–1992. Он родился в Лондоне. Его отец был известным естествоиспытателем-любителем, а его дед по материнской линии, капитан торгового флота, проявлял большой интерес к литературе и собрал интересную библиотеку, с которой молодой Э. Эшби проводил свои каникулы. Он получил образование в школе лондонского Сити и Королевском научном колледже, где был удостоен степени бакалавра наук. В 1938 г. Эшби стал профессором ботаники Сиднейского университета и занимал эту должность до 1946 г. С 1947 по 1950 г. возглавлял кафедру ботаники в Манчестерском университете. По словам английских исследователей, «его энтузиазм и чутье к ботанике сделали Манчестер одной из ведущих ботанических школ Соединенного Королевства». Позже он был президентом и вице-канцлером Королевского университета в Белфасте, работал в университете Кембриджа, возглавлял многочисленные научные общества, являлся почетным членом ряда иностранных академий, в начале 60-х годов XX века был избран президентом Британской ассоциации содействия развитию науки, состоял почетным профессором более двадцати университетов в различных странах мира. Его исследования были связаны с физиологической экологией растений. Э. Эшби известен также как историк высшего образования и университетов, внесший большой вклад в становление социальной истории науки. В этой области им написаны такие работы, как «Технологии и академики» (1958), «Африканские университеты и западные традиции» (1964), «Мастера и ученые» (1970), «Примирение человека с окружающей средой» (1978), совместно с Мэри Андерсон – «Политика чистого Воздуха» (1981) и «Университеты: британский, индийский, африканский» (1966), «Возвышение студенческого сословия» (1970) и др. Так что перед нами интеллектуальная биография успешного ученого и общественного деятеля [10].

Фамилия Э. Эшби есть в утвержденном списке иностранных ученых, приглашенных на юбилей Академии наук. В этом реестре он обозначен как представитель Сиднейского университета (Австралия) и Линнеевского общества в Лондоне (АРАН1, Л. 233). Принципиально важным для оценки его работы является тот

¹ Здесь и далее перевод в цитатах наш. – В. К.

факт, что с 1944 и до конца 1945 г. Э. Эшби был сотрудником, курирующим науку, при австралийском представительстве в Москве. И, как пишет ученый в предисловии к своей книге, он «помимо технической информации, которая направлялась правительству в официальных депешах... собрал много других, представляющих интерес для ученых, сведений, и их можно было подать в незабалзамированном виде» (Ashby, p. 5). Пребывая длительное время в Москве, ученый имел возможность видеть не только витрину праздника, но и то, как она конструировалась, что в ней отразилось, а что оказалось спрятанным от неискушенного зрителя. Автор упоминает более чем о пятидесяти лабораториях, которые он посетил, об установившихся дружеских отношениях с рядом ученых. К примеру, он пишет с нескрываемой симпатией о советском ботанике, академике Борисе Александровиче Келлере, который был, к тому же, известным популяризатором науки, Э. Эшби встречался с ним не только в стенах института, но и бывал у него в гостях, и, наконец, присутствовал на его похоронах (Ashby, p. 173–175).

Празднование 220-летнего юбилея АН СССР в тексте Э. Эшби вписывается в общую картину развития советской науки, коррелирует с его собственным опытом проживания в социокультурных реалиях военной и послевоенной России как до официальных торжеств 16–30 июня, так и некоторое время после. Непосредственно юбилею Академии посвящена отдельная глава книги «Наука напоказ. Празднование 220-й годовщины Академии наук СССР». Несмотря на эпатазирующее, с выраженной негативной нотой, название, автор высоко оценивает сам факт празднования и уровень советской науки в целом. По Э. Эшби, «наука в Советском Союзе амбициозно спланирована, обеспечена энергичной и здоровой поддержкой» и, даже если достижения СССР «за последние двадцать пять лет не вызывают удивления, его перспективы на будущее вряд ли можно переоценить» (Ashby, p. 206). Особо выделяются успехи в области геологоразведки, изучения растительности, почв и минералов, картографирования и так далее. «За столь короткое время СССР добился выдающихся результатов, которые значительно превосходят все, что было сделано Британской империей», – заключает автор (Ashby, p. 205). С большой долей скепсиса оценивает уровень развития советской науки его новый знакомый и собеседник Г. Иннис: в «трех четвертях всех наук русские отстают от американцев: возможно, они наравне с последними в математике, но хуже в физике, химии и медицине. Хороши в ботанике» (Innis, p. 44). Чуть позже в реестр «успешных наук» им будут внесено почвоведение. В известной степени скепсис Г. Инниса уравнивается его крылатой фразой: «Русские поклоняются знаниям» (Innis, p. 30) (см. подробнее [11]).

Развитие науки рассматривается Эрихом Эшби в тесной связи с образовательной политикой советского государства, с обращением к социальному контексту, который отражен в одной из глав монографии под названием «Русская атмосфера». По замечанию самого автора, его книга «содержит материалы двух видов: сведения об организации науки и образования в Советском Союзе и исследования социальных обычаев, философских верований и официальной пропаганды, которые являются контекстом советской науки» (Ashby, p. 11). Он с нескрываемой сердечностью описывает радость встреч ученых на форуме, собравшемся в первые дни после окончания Великой Отечественной войны: «Люди, что читали работы друг друга в течение множества лет, наконец получили возможность пообщаться друг с другом вживую... Любому мог почувствовать, как узы науки, связывающие разные нации, разорванные войной, начали восста-

навливаться. В этих комнатах люди наблюдали воскрешение европейской интеллектуальной жизни» (Ashby, p. 129). Такие же эмоции по отношению к празднованию прочитываются и в «Русском дневнике» Гарольда Инниса.

Э. Эшби разделяет идею единой интернациональной науки, что не исключает поиска ее национальных особенностей. В главе, посвященной формам бытования науки в советском социуме, он выделяет характерные черты советской науки. К ним ученый относит 1) тесную зависимость от государства как в институциональном плане, так и в плане социального заказа и, соответственно, в выстраивании иерархичности дисциплин и направлений, в плане регулирования материального статуса ученых; 2) ориентацию на единую методологию («философская вера») и жесткий идеологический контроль; 3) большую роль популяризаторских практик и меморизацию науки и ее деятелей, что связывается автором и с утилитарной концепцией прикладного знания. В общем плане такой образ советской науки зафиксирован и другими гостями, хотя, может быть, и не так четко отрефлексирован. Но принципиально важной является попытка австралийского ученого осмыслить популяризацию науки в культурологической парадигме. Э. Эшби связывает советские практики популяризации как с просвещенческой традицией дореволюционной России, так и с особенностями понимания мировосприятия русского человека, его укорененностью в национальную культуру. То, что верно для русского народа с его ментальностью, полагает ученый, верно и для науки: «Русский менталитет влияет на советскую науку точно так же, как на советскую поэзию и политику» (Ashby, p. 146). Поэтому для понимания тенденций развития науки и восприятия образа ученого важно читать произведения И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя. Эта культурная предопределенность объясняет как слабости, так и сильные стороны советской науки.

Сам юбилей представлен автором как способ популяризации науки, что отразилось в сценарии праздника. В его воплощении Э. Эшби фиксирует несколько фаз, выделяя подготовительный период, насыщенный популярными статьями о науке и ученых в центральных периодических изданиях, в том числе детских, выступлениями на радио, визуальным оформлением публичного пространства (в кинотеатрах, на рабочих местах на фабриках и заводах, на открытых городских площадках с газетами в витринах, стоящих на тротуарах). Апогей праздника нашел выражение в хроникальном освещении всех мероприятий; насыщении коммуникативного поля репортажами об эпических картинах единения науки, власти и простого народа, многочисленными интервью иностранных ученых с оценками происходящего, с презентацией выставок, с выступлением ученых не только в академической среде, но и перед рабочей аудиторией; в помпезно торжественном оформлении мест заседаний; в выставке фотопортретов 140 академиков, размещенных в фойе Большого театра. И, наконец, этап «послевкусия» – эхо юбилея, звучащее вплоть до начала осени, – сообщения ТАСС о том, как иностранные делегации презентовали итоги и впечатления о юбилейных торжествах и советской науке. По Э. Эшби, «наука была выставлена напоказ. Показ состоялся, и его щедро восхваляли практически все; однако для русских важно, чтобы похвала не была анонимной: иначе шоу не удалось бы» (Ashby, p. 144). Поясним масштаб деятельности по освещению хода юбилейной сессии АН СССР. Она координировалась сверху Всесоюзным комитетом по проведению 220-летнего юбилея Академии наук СССР. В его рамках было создано специальное Пресс-бюро. Как отмечается в современных исследованиях, «к его работе были привлечены ака-

демик А.Ф. Иоффе, члены-корреспонденты АН СССР П.Ф. Юдин, И.И. Минц и Б.М. Вул, заведующая информацией Аппарата Президиума АН СССР Л.А. Бах. Непосредственное руководство накануне торжеств поручалось П.Ф. Юдину и И.И. Минцу. Сотрудники Пресс-бюро отвечали за все сведения, помещаемые в печати о юбилейной сессии, подавали на утверждение списки советских и иностранных корреспондентов, приглашаемых на торжественные заседания, составляли всевозможные справки, готовили переводы и т. д.» [12].

В объяснении масштаба популяризации, наряду с иронией, у Э. Эшби присутствует попытка рационального обоснования этого процесса – естественная коммуникационная характеристика науки усиливается в советской версии концептуальной установкой на замену религии абсолютной верой в науку. Русский акцент на популярной науке вызывает у автора монографии противоречивые оценки – от восхищения до дерзкой иронии. «...Нигде в мире, даже в Америке, – пишет Э. Эшби, – нет такого широкого интереса к науке среди простого народа, как в России» (Ashby, p. 186). Он добавляет, что для обывателя, который мало читает, популярная литература, наряду с газетой, «занимает место комиксов, сводок нераскрытых убийств и новостей о бракоразводных процессах: такое не печатают в Советской ежедневной газете» (Ashby, p. 187). Абсолютная вера в науку, ее безграничные возможности в переустройстве мира и человека были свойственны и многим ученым в эпоху становления «массовой науки». В научном этосе советского ученого роль популяризатора не считалась «второсортной», популяризаторская практика рассматривалась как знаковая составляющая профессии. Да, это восхищает автора “*Scientist in Russia*”, но в то же время, с его точки зрения, «многочисленные дни православных святых в значительной степени заменяются энергичным геронтопоклонством перед живыми и мирянами – канонизацией умерших ученых». В этом ему видится утилитарный заказ власти на «вербовку сержантов для науки» (Ashby, p. 191). В целом Э. Эшби восхищается рвением советского человека и читать, и слушать лекции, последнее, по его замечанию, чрезвычайно модно в СССР. «Нет никакого сомнения, – напишет он в главе, посвященной формам популяризации, – что массы становятся более приближены к научному видению мира способом, не известным прежде ни в России, ни вообще где бы то ни было» (Ashby, p. 196).

Подобные оценки звучали и из уст других гостей праздника, правда, без таких ироничных ассоциаций. Так, Якоб Хейман (*Jacob Heiman*), представляющий издание «Американское обозрение советской медицины», отмечает визуальные способы популяризации: «В кинотеатрах стены увешаны интересными данными по биологии, зоологии и другим познавательным материалом. Наука и разум заменили суеверия» (АРАН2, Л. 73). В интервью с британско-австралийским археологом Чайлдом Гордоном также отмечена эта культурная специфика: «Ваш народ, кажется, интересуется наукой гораздо больше, чем другие народы мира: научная деятельность – это новости на первых полосах газет, вы находите для нее место чуть ли не каждый день. Это помогает демократизировать науку, что очень необходимо» (АРАН2, Л. 83). Конечно, стоит сделать поправку на то, что в отличие от Э. Эшби, издавшего книгу спустя почти два года после празднования юбилея, хотя она была завершена в июне 1946 г., и Якоб Хейман, и Чайлд Гордон высказывали свое мнение в интервью советским журналистам в Москве в ходе праздника. Место и время могло вносить коррективы, холодная война еще не была развязана.

Оборотной стороной плотного процесса популяризации вкупе со взлетом национального самосознания, связанного естественным образом с Победой, стало акцентирование исключительности русской науки, что уже в 1945 г. заметил Э. Эшби. Эта практика, по его мнению, в последнее время «приобрела форму удивительного утверждения, что многие важные открытия произошли именно в России» (Ashby, p. 219). Автор, таким образом, «на советском научном поле зафиксировал специфику противопоставления себя остальному миру: советское значит отличное. Хотя отчетливо отмеченная тенденция проявилась несколько позже в иных международных и внутривнутриполитических контекстах» [13, с. 91]. Обозначенная тема присутствует и в современной историографии. Но Э. Эшби обозначил еще один чрезвычайно важный аспект, связанный с популяризацией науки и, в конечном счете, с практиками классикализации ученых. Речь идет о возможностях выстраивания иерархии внутри научного сообщества не по научным заслугам, а по степени известности широкой общественности. «Сама популярность [ученого] делает его полезным орудием пропаганды, и, соответственно, некоторые научные статьи пишутся не только для того, чтобы поделиться информацией с другими, но и для удовлетворения жажды самовосхваления, которая стала одной из слабостей современной России. Есть такие амбициозные и безответственные ученые, которые воспользовались важностью популяризации науки в России, чтобы продвинуть собственные научные изыскания, даже несмотря на то, что они являются необоснованными или тривиальными» (Ashby, p. 187). В качестве примера подобной технологии Э. Эшби ссылается на феномен Т.Д. Лысенко. Таким образом, были актуализированы опасности «тотальной популяризации». Эти догадки возникли параллельно со становлением социологии науки с возрастающим вниманием к нормам и антинормам в научных сообществах. Последним был обеспокоен и Макс Борн, отметивший в своем дневнике неравенство в советском социуме, в том числе и в научном (Борн). Затронутая Э. Эшби проблема связи популяризации науки с реальными процессами классикализации не получила своей дальнейшей разработки в историографии. Она представляется перспективной для понимания истории складывающейся иерархии в советской науке, отнюдь не сводимой к патрон-клиентским отношениям разных уровней.

Подводя итог, отметим, что Эрих Эшби представил популяризацию науки в СССР как сложный историко-научный и социально-культурный феномен. Об актуальности таких размышлений ученого в исторический период, когда создавался анализируемый труд, на наш взгляд, говорит тот факт, что в документе Всемирной организации научных работников, оформившейся в Лондоне в 1946 г., в качестве одной из главных задач было обозначено способствование распространению научных знаний. Популяризация мыслилась как характерная черта образа науки, как способ возвышения ее статуса, в том числе и статуса ученого.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-28-007-58.

Источники

- АРАН1 – Архив Российской Академии наук. Ф. 519: Всесоюзный комитет по проведению 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Оп. 1. Д. 50. 340 л.
- АРАН2 – Архив Российской Академии наук. Ф. 519: Всесоюзный комитет по проведению 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Оп. 1. Д. 584. 88 л.

Борн – «Я впечатлен их колоссальными исследованиями и преподаванием». Дневник лауреата Нобелевской премии физика Макса Борна «Путешествие в Россию» о его поездке в Москву и Ленинград на 220-летний юбилей АН СССР. 1945 г. / Подгот. и пер. М.В. Ковалева // Исторический архив. 2021. № 5. С. 53–81.

Ashby – *Ashby E. Scientist in Russia*. N. Y.: Penguin Books, 1947. 252 p.

Innis – *Innis H. The Russian Diary // Innis H. Innis on Russia: The Russian Diary and other writings by Harold A. Innis*. Toronto: Univ. of Toronto, 1981. P. 13–50.

Литература

1. *Вяльцева Д.Н.* Журнал «Наука и жизнь» в 1960–1970-е гг.: историко-типологический анализ // История отечественных СМИ. 2017. № 2 (4). С. 77–85.
2. *Долгова Е.А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 469 с.
3. *Демченко П.Н., Мальцев И.В.* Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 171–189.
4. *Хомяков В.И.* К истории становления научно-популярного журнала «Наука и жизнь» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. Т. 15, № 2. С. 85–90.
5. *Корзун В.П., Носова М.С.* «Увидеть небо в чашечке цветка»: Журнал «Знание – сила» как коммуникативная площадка популяризации советской науки // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 143–159.
6. *Лиманова С.А.* Популяризация научного знания сквозь призму 220-летия Академии наук СССР (1945) // История науки: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 300-летию Российской академии наук. Иваново: ПресСто, 2023. С. 51–53.
7. *Носова М.С.* Как зажечь искру любви к науке: журнал «Знание – сила» как исторический источник по истории науки и техники // История науки: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 300-летию Российской академии наук. Иваново: ПресСто, 2023. С. 112–114.
8. Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.
9. *Корзун В.П.* Эрих Эшби о практиках популяризации советской науки; осмысление празднования 220-летнего юбилея АН СССР // История науки: источники, памятники, наследие: четвертые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: к 300-летию Российской академии наук. Иваново: ПресСто, 2023. С. 46–48.
10. *Burges A., Eden R. Ashby, Eric, Baron Ashby (1904–1992), botanist and university administrator* // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-50791>, свободный.
11. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* «Русские поклоняются знаниям» (220-летний юбилей АН СССР в восприятии канадского ученого) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 207–219. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.3.207-219>.
12. *Лиманова С.А.* «Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки». Отклики ученых из Болгарии, Польши, Швеции на празднование 220-летия АН СССР. 1945 г. // Исторический архив. 2023. № 4. С. 16–38.

13. Грудзинская В.С., Корзун В.П. «Наука не имеет Отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 472. С. 85–94. <https://doi.org/10.17223/15617793/472/11>.

Поступила в редакцию 10.08.2023

Принята к публикации 10.10.2023

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории

Омский государственный педагогический университет

Наб. им. Тухачевского, д. 14, г. Омск, 644099, Россия

E-mail: korzunv@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 4-5, pp. 182–191

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.4-5.182-191

“Science on Display”: The Russian Phenomenon of Science Popularization in Eric Ashby’s Perspective

V.P. Korzun

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia

E-mail: korzunv@mail.ru

Received August 10, 2023; Accepted October 10, 2023

Abstract

This article considers the popularization of Soviet science through the lens of the Australian botanist Eric Ashby, the author of the book “Scientist in Russia” published in New York in 1947. Although it has gone unnoticed in Russian historiography, this publication deserves thoughtful consideration for many reasons. Firstly, it addresses the current problem of public history. Secondly, it clarifies the role of cultural factors and national traditions in the development of Soviet science. Thirdly, it sheds light on the formation of a system of values in relation to science and scholars, which is closely linked to commemorative events. As an attentive foreign observer, E. Ashby succeeded in sketching his ideas about Soviet science. Here, his viewpoints are analyzed. The conceptualizing of the phenomenon of science popularization associated with academic anniversaries is discussed with respect to the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in June 1945, in which E. Ashby participated. The conclusions drawn from the study are as follows. E. Ashby related the extensive popularization of Soviet science to cultural paradigm, Russian literature, pre-revolutionary enlightenment practices, and the practical concept of applied knowledge. He emphasized the important role of science popularization in elevating the status of scientific knowledge and scholars in Soviet society. However, he also stressed possible negative consequences of overpopularized science, such as the hierarchization of the academic community based on popularity rather than scientific achievements.

Keywords: Eric Ashby, Soviet science, scholars, popularization, anniversary, USSR Academy of Sciences, cultural determinism

Acknowledgements. This study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-28-007-58).

References

1. Vyal'tseva D.N. “Nauka i Zhizn” magazine in the 1960s–1970s: A historical and typological analysis. *Istoriya Otechestvennykh SMI*, 2017, no. 2 (4), pp. 77–85. (In Russian)

2. Dolgova E.A. *Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Origins of Soviet Science in the 1920s–1930s]. Moscow, RGGU, 2020. 469 p. (In Russian)
3. Demchenko P.N., Mal'tsev I.V. The role of mediatization in boosting interest in modern popular science media (a case study of “Nauka i Zhizn” and “Populyarnaya Mekhanika” magazines). *Nauchnyi Dialog*, 2021, no. 3, pp. 171–189. (In Russian)
4. Khomyakov V.I. The history of “Nauka i Zhizn” popular science magazine. *Nauka o cheloveke: Gumanitarnye Issledovaniya*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 85–90. (In Russian)
5. Korzun V.P., Nosova M.S. “Seeing the sky within a calyx”: Based on “Znanie – Sila” magazine as a communicative platform for the popularization of Soviet science. *Dialog so Vremenem*, 2023, no. 84, pp. 143–159. (In Russian)
6. Limanova S.A. On promoting scientific literacy with the focus on the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences (1945). *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: chetvertye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk* [History of Science: Sources, Monuments, and Heritage: Proc. 4th Lectures on Historiography and Source Study of the History of Science and Technology: To the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Ivanovo, PresSto, 2023, pp. 51–53. (In Russian)
7. Nosova M.S. Cultivating a passion for science: “Znanie – Sila” magazine as a historical source on the development of science and technology. *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: chetvertye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk* [History of Science: Sources, Monuments, and Heritage: Proc. 4th Lect. on Historiography and Source Study of the History of Science and Technology: To the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Ivanovo, PresSto, 2023, pp. 112–114. (In Russian)
8. *Vse v proshlom: Teoriya i praktika publichnoi istorii* [It Is All in the Past. Theory and Practice of Public History]. Zavatskii A., Dubina V. (Eds.). Moscow, Nov. Izd., 2021. 448 p. (In Russian)
9. Korzun V.P. Eric Ashby on the popularization of Soviet science; reflections on the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences. *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: chetvertye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: k 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk* [History of Science: Sources, Monuments, and Heritage: Proc. 4th Lectures on Historiography and Source Study of the History of Science and Technology: To the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Ivanovo, PresSto, 2023, pp. 46–48. (In Russian)
10. Burges A., Eden R. Ashby, Eric, Baron Ashby (1904–1992), botanist and university administrator. In: *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-50791>.
11. Korzun V.P., Kolevatov D.M. “Russians worship intelligence” (220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in the perception of a Canadian scientist). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 207–219. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.207-219. (In Russian)
12. Limanova S.A. “A great celebration of Soviet science, which became a triumph of world science”. The reactions of researchers from Bulgaria, Poland, and Sweden to the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences (1945). *Istoricheskii Arkhiv*, 2023, no. 4, pp. 16–38. (In Russian)
13. Gruzinskaya V.S., Korzun V.P. “Science has no Fatherland: This slogan is both true and not” (how foreign researchers felt about the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2021, no. 472, pp. 85–94. <https://doi.org/10.17223/15617793/472/11>. (In Russian)

Для цитирования: Корзун В.П. «Наука на показ»: Эрих Эшби о русском феномене популяризации научного знания // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 4–5. С. 182–191. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.182-191>.

For citation: Korzun V.P. “Science on display”: The Russian phenomenon of science popularization in Eric Ashby’s perspective. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 4–5, pp. 182–191. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.182-191>. (In Russian)